

Николаева Ольга Васильевна

ИНТЕР-КОГНИТИВНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Статья посвящена теоретическим проблемам межкультурной коммуникации. Межкультурные взаимодействия в полиэтнической среде представлены как сложные, комплексные отношения, включающие, наряду с межъязыковыми контактами и контактами на уровне семиотики культуры, также интер-когнитивные взаимодействия (картин мира, менталитетов, "этноспецифических сознаний" в ситуации когнитивного плюрализма). Все названные типы взаимодействий отражают взаимосвязь компонентов триады "язык - культура - мышление", а межкультурная коммуникация рассматривается как взаимодействие контактирующих триад.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/11-2/34.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 11 (41): в 2-х ч. Ч. II. С. 132-136. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81-13

Филологические науки

Статья посвящена теоретическим проблемам межкультурной коммуникации. Межкультурные взаимодействия в полиэтнической среде представлены как сложные, комплексные отношения, включающие, наряду с межъязыковыми контактами и контактами на уровне семиотики культуры, также интеркогнитивные взаимодействия (картин мира, менталитетов, «этноспецифических сознаний» в ситуации когнитивного плюрализма). Все названные типы взаимодействий отражают взаимосвязь компонентов триады «язык – культура – мышление», а межкультурная коммуникация рассматривается как взаимодействие контактирующих триад.

Ключевые слова и фразы: межкультурная коммуникация; интеркогнитивные взаимодействия; языковые контакты; картина мира; менталитет; этноязыковое сознание.

Николаева Ольга Васильевна, д. филол. н.
Дальневосточный федеральный университет
onikolaeva2009@yandex.ru

ИНТЕР-КОГНИТИВНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ[©]

Исследование выполнено при поддержке Программы "Научный фонд ДВФУ".

Межкультурное, межъязыковое и когнитивное взаимодействие в поликультурном пространстве является объективным и естественным процессом, поскольку антропоцентричные, социальные и социально-обусловленные явления (язык, культура, мышление) по определению обладают интерактивным характером. Любое общество представляет собой взаимодействие личностей, а любое поликультурное сообщество предполагает взаимодействие личностей во всем многообразии их культур, языков и менталитетов.

Межкультурная коммуникация в современном понимании – это не только взаимодействие отдельных личностей, принадлежащих разным лингвокультурным сообществам, но и шире – взаимодействие этносов, народов, наций. Межкультурная коммуникация в поликультурном макро-социуме (стране или регионе) управляется законами общекультурного сценария, т.е. динамической модели бытия социума как производной от исторически сложившегося комплекса территориально-географических, политических, экономических, социальных, психологических и других условий. Общекультурный сценарий предопределяет статус этносов и наций, наделяет каждый этнос или каждую нацию особой ролью. В соответствии с полученными ролями выстраиваются и отношения этносов и наций, складывается общая модель функционирования поликультурного макро-сообщества страны или региона.

Именно общекультурный сценарий формирует основные правила взаимодействия этносов и наций, а, следовательно, и правила взаимодействия их языков, как и продуцируемых ими (этносомами и нациями) картин мира. Общекультурный сценарий полиэтнического сообщества отражается в языковой ситуации в стране или регионе, а также во взаимодействии менталитетов, реализуемых в этнических / национальных картинах мира. Все это, в свою очередь, определяет общие законы межкультурной коммуникации.

Исходя из сказанного, межкультурные взаимодействия в полиэтнической среде представляются сложными, комплексными видами отношений, которые теоретически включают следующие подвиды:

- 1) межъязыковые контакты в мультилингвальном пространстве;
- 2) контакты на уровне семиотики культур, взаимодействия разных культурных кодов в условиях «культурного семиотического полиглотизма» (терминология Ю. М. Лотмана [10, с. 129]);
- 3) интеркогнитивные контакты: взаимодействия картин мира, менталитетов, «этноспецифических сознаний» в ситуации «когнитивного плюрализма» (термин автора – О. Н.). По Д. Б. Гудкову, использующему терминологию М. М. Бахтина [1, с. 361], взаимодействие «говорящих сознаний» [4, с. 10].

Все названные типы взаимодействий, в свою очередь, отражают взаимосвязь и транзитивный тип взаимоотношений компонентов триады *язык – культура – мышление*, или, с учетом смежных понятий, *язык / коммуникация – культура – мышление / сознание / познание / менталитет*. При этом за точку отсчета исследователь методологически может принять любой из компонентов и рассматривать, например, только взаимодействие картин мира или же только языковые контакты. Тем не менее, современная методология межкультурной коммуникации постулирует, что изучение одного из компонентов триады без привлечения двух других невозможно, либо весьма ограничено в целях и возможностях и является предметом узконаправленных исследований.

По сути, триада *язык – культура – мышление* является аналитическим единством трех составляющих лишь методологически. Фактически же связь между «компонентами» естественна, а сама «триада» целостна и слитна. С. Г. Тер-Минасова пишет, что «язык, мышление и культура взаимосвязаны настолько тесно, что практически составляют единое целое, состоящее из этих трех компонентов, ни один из которых не может функционировать (а, следовательно, и существовать) без двух других» [14, с. 23; 15, с. 40].

Если мы признаем, что «триада» целостна, следовательно, внешний контакт одного «компонента» автоматически влечет соприкосновение и взаимодействие триад. Так, О. А. Корнилов отмечает, что сосуществование и взаимодействие двух языков – это, в первую очередь, взаимодействие двух картин мира, двух культур [8].

Однако несомненная связь между языком, мышлением и культурой вовсе не свидетельствует об отождествлении элементов триады [4; 6; 11, с. 48; 13, с. 80-81; 20, р. 14; 24, р. 219; 26, р. 9], а скорее предполагает особое соотношение между ними. Проблема определения отношений между языком и мышлением, языком и культурой была поставлена В. Гумбольдтом [5] и впоследствии волновала умы многих известных ученых, представителей разных направлений. До сих пор острую полемику среди исследователей вызывает вопрос о том, как соотносятся *язык* и *мышление*: мировидение отражается в языке или язык формирует мировидение. По-видимому, на этот вопрос следует отвечать с учетом ранней или более поздней стадии филогенеза, этногенеза и индивидуального онтогенеза. Многие современные ученые не разделяют идею о безоговорочной односторонней детерминации языка и мышления, полагая, что истина состоит в компромиссе обоих подходов [2, с. 269; 7, с. 108; 9; 20, р. 14; 26, р. 10].

На основе данных рассуждений транзитивную взаимосвязь в триаде *язык – культура – мышление* считаем базовой методологической предпосылкой изучения межкультурной коммуникации. Говоря о межкультурном взаимодействии, методологически обоснованно вести речь как о взаимодействии в самой триаде *язык – культура – мышление*, так и о внешнем взаимодействии контактирующих триад. Это значит, что в случае выдвижения на первый план одного аспекта взаимодействий, например, взаимодействия языков и культур методология современного междисциплинарного проблемно-ориентированного исследования в области межкультурной коммуникации диктует необходимость рассмотрения всех возможных смежных связей, таких как, например, взаимоотношения языков и картин мира, или же менталитетов и культур. Комплексный подход позволяет получить новое знание и верифицировать ранее достигнутые результаты.

Когнитивный аспект внешнего взаимодействия триад (с другими триадами) является наименее изученным. Одним из его проявлений является взаимодействие картин мира. Картины мира являются специфическими ментальными сущностями, т.е. продуктами сознания, их контактирование регулируется мыслительной, когнитивной деятельностью сознания отдельного человека и всего общества, погруженных в данный общекультурный сценарий. Процедуры и механизмы взаимодействия картин мира, концептосфер, концептов непосредственно не наблюдаемы и не очевидны, однако результаты данных взаимодействий оперативно эксплицируются на языковом уровне и прослеживаются в вербальных и невербальных формах культуры. В. И. Постовалова отмечает, что «экспликация картины мира в первой процедуре происходит по естественным "следам", которые картина мира оставляет в естественном языке и других своих семиологических воплощениях» [12, с. 24]. Так, проявлением различий картин мира могут быть и разное семантическое картирование, и иное семиотическое кодирование: языки, расчленивая мир по-разному, свидетельствуют о своеобразии человеческого разума [17, с. 176], язык фиксирует наиболее важные результаты опосредованного культурой познания, является инструментом «закрепления этнического мировидения» [16, с. 230].

Несмотря на сложность изучения, *когнитивное, ментальное* в межкультурной коммуникации должно учитываться не в меньшей степени, чем *языковое и культурное*. Выше уже отмечалось, что Д. Б. Гудков, используя термин М. М. Бахтина [1, с. 361], называет межкультурную, как и любую коммуникацию, взаимодействием «говорящих сознаний» [4, с. 10]. Эту идею поддерживают и другие исследователи [3, с. 10]. Д. Б. Гудков отмечает, что для эффективного взаимодействия «необходимо пересечение индивидуальных когнитивных пространств общающихся» [4, с. 23]. В том случае, если когнитивные различия коммуникантов в межкультурном взаимодействии достаточно велики, они могут стать причиной коммуникативных сбоев [Там же, с. 33]. Таким образом, результаты *интер-когнитивных* контактов следует принимать во внимание в прагматике межкультурного общения и изучать наряду с результатами языковых и культурных контактов.

Термин *интер-когнитивный* употребляется, в основном, в зарубежном дискурсе в сочетании *inter-cognitive communication* (интер-когнитивная коммуникация), которому противопоставлено сочетание *intra-cognitive communication* (интра-когнитивная коммуникация). Если последнее определяется как *передача информации носителю эквивалентной когнитивной системы*, то значение сочетания *inter-cognitive communication – передача информации, осуществляемая между носителями разных когнитивных систем* (систем с разными когнитивными возможностями): “The mode of communication refers to the actors at the two endpoints of communication: Intra-cognitive communication: information transfer occurs between two cognitive beings with equivalent cognitive capabilities (e.g., between two humans). Inter-cognitive communication: information transfer occurs between two cognitive beings with different cognitive capabilities (e.g.: between a human and an artificially cognitive system)” [19, р. 67].

При этом, последнем, процессе, конечно, происходит и формальная, и содержательная трансформации передаваемой информации.

С этой точки зрения, имея в виду единообразное физиологическое устройство человеческого мозга, все люди обладают, с известными оговорками, «эквивалентными» когнитивными системами, а потому термин *интер-когнитивная коммуникация* в данной трактовке не может быть применен к общению между людьми. Однако так ли *эквивалентны* когнитивные системы людей, принадлежащих к разным культурам и говорящих на разноструктурных и разностемных языках?

Известный ученый австралийского национального университета Николас Иванс и его соавтор С. Левинсон пишут, что, учитывая языковое разнообразие на планете, люди – это единственные существа, развившие

колоссально вариативную (и в этом смысле несвойственную другим видам) систему коммуникации, т.е. систему с множеством разнообразных вариантов. А это уже само по себе, по мнению авторов, должно заинтересовать когнитивную науку: “Linguistic diversity then becomes the crucial datum for cognitive science: we are the only species with a communication system that is fundamentally variable at all levels” [22, p. 429] (*курсив автора – О. Н.*). Авторы отмечают, насколько разнятся менталитеты людей, говорящих на разных языках: “...many languages make semantic distinctions we certainly would never think of making. <...> Australian languages force their speakers to pay attention to intricate kinship relations between participants in the discourse – in many to use a pronoun you must first work out whether the referents are in even- or odd-numbered generations with respect to one another” [Ibidem, p. 435-436].

Разнообразие языковых систем, по мнению Н. Иванса и С. Левинсона, свидетельствует о когнитивном различии их носителей.

Это мнение высказывали ранее и другие ученые. Валерио Фузи, говоря о кардинальных различиях выражения категории *притяжательности* в европейских и полинезийских языках, пишет: “if a language uses an intrinsic possession marker where our language cannot but see an extrinsic relationship, this may suggest a different idea of the way things and relationships are perceived and organized in human mind” [23, p. 120].

Простое изучение грамматических правил полинезийских языков при этом оказываются не очень-то эффективными с точки зрения европейцев, и зачастую эти правила ставят их в тупик: “In the Maori language, the idea of “possession” is conveyed in two forms: one consisting of, or containing, the vowel *a*, and the other the vowel *o*. In English, that relationship is often indicated by *of* or by *'s* without any difference in meaning... In Maori grammars, rules about the use of the two sets of forms are given. Some of these rules strike me as very strange. Why should it be said that some possessions are portable and, therefore, their possession is expressed by *A*-forms, while *O*-forms are used with clothes which are also portable ... Why is the possession of orange juice or coffee expressed by *O*, but the possession of water by *A*?” [25, p. 381].

Об этнических особенностях сознания говорят и отечественные лингвисты. Д. Б. Гудков считает, однако, что они обуславливаются не языком, а социо-культурными факторами, определенными видами деятельности, распространенными в той или иной культуре [4, с. 33]. Тем не менее, автор солидарен с мнением о том, что язык отражает и фиксирует различия в сознании этнических групп. Сами же особенности этнического сознания сохраняются даже в том случае, если два этноса говорят на одном языке [Там же]. Автор пишет о серьезных различиях в поведении (отражающем национальный менталитет) «вплоть до конфликтов, между “сто-процентными” американцами и греками, родившимися в Америке, не владеющими греческим языком, считающими своим родным английский, но сохраняющими свою культуру и живущими по ее нормам» [Там же].

В данной трактовке термин *интер-когнитивная коммуникация* становится эффективным для описания межкультурного общения между людьми. В межкультурной коммуникации происходит не просто передача, а, скорее, *«трансформация»* информации при ее передаче субъекту с другой картиной мира, другим менталитетом. Д. Б. Гудков пишет: «строго говоря, никакой передачи мысли между говорящим и его слушателем не происходит. Слушатель сам создает информацию, уменьшая неопределенность путем взаимодействий в собственной когнитивной области» [Там же, с. 21]. Таким образом, «перевод» информации, поступающей из одной когнитивной системы в другую, сопровождается «перенастройкой» информации на другую картину мира со всеми вытекающими из процесса «стыковки» последствиями и «издержками».

Николас Иванс вводит термин *интер-когнитивный* в научный обиход лингвистики в докладе “Intercognitive linguistics and language diversity” на 12-й международной конференции по когнитивной лингвистике (12th International Cognitive Linguistics Conference, 2013). Ученый определяет его описательно: “...the biggest challenge comes from the representation of the human world – of other minds and emotions, of the way events impact on our fellows, and of the complex balancing of multiple social and psychological factors that is needed in every conversational move. I will use the term ‘intercognitive linguistics’ to refer to the domain of this set of representational challenges, which includes the establishment of intersubjective relations with one’s interlocutors but also other types of representation of the minds, feelings and intentions of others” [21].

Думается, исследование *интер-когнитивных* взаимодействий должно занять свое место среди проблем взаимного общения представителей разных культур. Пока данный термин не получил достаточного развития, в то время как два других термина триады *язык – культура – мышление* активно функционируют в отражающих сам процесс взаимодействия сочетаниях: *языковые контакты* и *межкультурная коммуникация*.

Одним из возможных сценариев длительного развития интер-когнитивных контактов может быть взаимовлияние, смешение и сближение картин мира. Это вполне закономерно, поскольку в процессе межкультурного общения происходит настраивание когнитивных областей коммуникантов на взаимопонимание, зона пересечения когнитивных областей расширяется.

Другой, противоположной, разновидностью интер-когнитивного взаимодействия выступает взаимная когнитивная, аксиологически обусловленная резистентность, возникающая в том случае, если языковая общность сопровождается достаточно сильной национально-культурной отчужденностью [18]. Аксиологическая резистентность носит реактивный характер и по своей природе является естественной защитной реакцией на инородное когнитивное вмешательство.

В межкультурном взаимодействии при этом может иметь место кардинальная «трансформация» информации, вплоть до диаметрально противоположной. Это широко распространенное явление можно заметить,

например, изучая материал разносистемных языков Новой Зеландии – восточнополинезийского языка коренного населения маори (*maori*) и новозеландского английского (языка европейского населения пакеха *pakeha*). Тогда как лексема *maori* в языке *маори* имеет значение *clear, usual, normal, ordinary*, в новозеландском английском она развила значение с точностью «до наоборот»: *exotic, alien*. Таким образом, то, что для маори является *обычным*, представляется *экзотичным* для пакеха. В новозеландском английском можно обнаружить массу подтверждающих примеров: *maori oven, maori hen, maori dog, maori potato, maori mint, maori jasmine, maori mistletoe, maori onion, maori crow*. В данных сочетаниях слово *maori* имеет значение “*exotic, native for that locality, which is in fact alien, wild*”.

Подобное же явление наблюдаем с лексемой *pakeha* (белый, европеец), развившей в языке маори значение *необычный, экзотичный, чужой*. Вот несколько примеров из языка маори: *Pākehā rākau – exotic trees* (в отличие от *Māori rākau – native tree*); *kai pakeha – (a newly-introduced variety of kumara: a more general connotation of foreign)*; *mate Pākehā (alien, strange, not-known newly-introduced disease)* и *mate Māori (known disease)*; *taha Pākehā (Pakeha ways and customs (not shared by Maori) as contrasted with taha Maori)*.

Подобные языковые примеры свидетельствуют не только о результатах контактов на уровне семиотики разных культур, но и о результатах системного интер-когнитивного взаимодействия в ситуации когнитивного плюрализма. В процессе межкультурной коммуникации при передаче информации происходит когнитивная фильтрация всех поступающих данных (языкового и культурного контекста) и их перекодирование сообразно этногенетической экологии восприятия со стороны получателя информации. Результаты интер-когнитивного взаимодействия, как правило, носят системный характер и столь же системно проявляются в контактирующих языках и культурах, а потому их исследование весьма значимо для глубокого понимания процессов межкультурной коммуникации.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Тетралогия. М.: Лабиринт, 1998. 607 с.
2. Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков / пер. с англ. М.: Языки русской культуры, 1999. 780 с.
3. Габуниа З. М., Улибашева Э. Ю. Межкультурная коммуникация как мирозозидающий факт языка. Нальчик: Кабардино-Балкарский гос. ун-т, 2005. 183 с.
4. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003. 288 с.
5. Гумбольдт В. Характер языка и характер народа / пер. с нем. О. А. Гулыга // Гумбольдт В. фон. Язык и Философия культуры. М.: Прогресс, 1985. С. 370-381.
6. Карасик В. И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 406 с.
7. Комлев Н. Г. Слово в речи: Денотативные аспекты. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992. 216 с.
8. Корнилов О. А. Языковые картины мира как отражения национальных менталитетов: дисс. ... д. культурологии. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2000. 460 с.
9. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.
10. Логман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста // Логман Ю. М. Избранные статьи. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 129-132.
11. Пинкер С. Язык как инстинкт / пер. с англ. М.: Едиториал УРСС, 2004. 456 с.
12. Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Серебренников Б. А., Кубрякова Е. С., Постовалова В. И. и др. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 8-86.
13. Серебренников Б. А., Кубрякова Е. С., Постовалова В. И. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. 216 с.
14. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики межъязыковой и межкультурной коммуникации: учеб. пособие. М.: АСТ-Астрель-Хранитель, 2007. 286 с.
15. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие. М.: Слово / Slovo, 2000. 264 с.
16. Толстой Н. И. Язык и народная культура: очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. 512 с.
17. Уорф Б. Л. Наука и языкознание: о двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на мышление // Новое в лингвистике / под ред. В. А. Звегинцева. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1960. Вып. I. С. 169-182.
18. Хухуни Г. Т. Художественный текст как объект межкультурной и межъязыковой адаптации // Этнокультурная специфика языкового сознания / отв. ред. Н. В. Уфимцева. М.: РАН, 2000. С. 206-214.
19. Baranyi P., Csapó Á. Definition and Synergies of Cognitive Infocommunications // Acta Polytechnica Hungarica. 2012. Vol. 9. No. 1. P. 67-83.
20. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of Language. 2nd edition. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 480 p.
21. Evans N. Intercognitive Linguistics and Language Diversity [Электронный ресурс] // 12th International Cognitive Linguistics Conference, 23-28 June 2013, University of Alberta. URL: <http://www.ualberta.ca/~iclc2013/ABSTRACTS/Evans.pdf> (дата обращения: 25.07.2014).
22. Evans N., Levinson S. C. The Myth of Language Universals: Language Diversity and its Importance for Cognitive Science // Behavioral and Brain Sciences. 2009. Vol. 32. P. 429-492.
23. Fusi V. Action and Possession in Maori Language and Culture. A Whorfian Approach // L'Homme. 1985. Vol. 25. No. 94, XXV (2). P. 117-145.
24. Piirainen E. Figurative Phraseology and Culture // Phraseology: an Interdisciplinary Perspective / S. Granger, F. Meunier (eds.). Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2008. P. 207-228.
25. Thornton A. Do A and O Categories of 'Possession' in Maori Express Degrees of Tapu? // Journal of Polynesian Society. 1998. Vol. 107. No. 4. P. 381-394.
26. Underhill J. W. Humboldt, Worldview and Language. Edinburgh: Edinburgh University Press Ltd., 2009. 163 p.

INTER-COGNITIVE INTERACTIONS IN CROSS-CULTURAL COMMUNICATION

Nikolaeva OI'ga Vasil'evna, Doctor in Philology
Far Eastern Federal University
onikolaeva2009@yandex.ru

The article is devoted to the theoretical problems of cross-cultural communication. Cross-cultural interactions in multi-ethnic environment are presented as complicated, complex relationships, including, along with interlingual contacts and contacts at the level of culture semiotics, inter-cognitive interactions (world views, mentalities, "ethno-specific consciousness" in a situation of cognitive pluralism). All these types of interactions represent the interrelation of the triad components "language – culture – thinking", and cross-cultural communication is considered as the interaction of contacting triads.

Key words and phrases: cross-cultural communication; inter-cognitive interactions; language contacts; world view; mentality; ethno-linguistic consciousness.

УДК 81'373

Филологические науки

В статье впервые описываются пути и способы развития английской театральной терминологии во второй половине XVII – 80-х годах XX века: синтаксическое терминопобразование, словосложение, лексико-семантическое словопроизводство, заимствование и аффиксация. Выявляется соотношение названных путей и способов, а также вскрываются языковые и внеязыковые факторы пополнения английской театральной терминологии.

Ключевые слова и фразы: новоанглийский драматический театр; театральная терминология английского языка; внешние факторы; внутренние факторы; заимствование; лексико-семантическое словопроизводство; словосложение; аффиксация; образование составных терминов.

Нифанова Татьяна Сергеевна, д. филол. н.

Гуманитарный институт Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова (филиал) в г. Северодвинске Архангельской области
nifanova55@mail.ru

ЯЗЫКОВЫЕ И ВНЕЯЗЫКОВЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ АНГЛИЙСКОЙ ТЕАТРАЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА – 80-Х ГОДАХ XX ВЕКА[©]

Во второй половине XVII века – 80-х годах XX века театральная терминология английского языка увеличилась почти в сто раз, пополнившись 2042 единицами. Довольно значительный рост терминологической системы английского театра явился следствием дальнейшего развития драматического искусства Великобритании в благоприятных условиях и обогащения его большим количеством новых элементов, требующих терминологирования.

Для названного периода характерна активизация исконных механизмов пополнения английской театральной терминологии, которая имеет внутреннюю и внешнюю обусловленность. С внутриязыковой точки зрения, она связана с повышением продуктивности данных способов обогащения общенародного английского языка на фоне снижения доли заимствований в его составе на изучаемом этапе [1, с. 119]. Внешняя причина кроется в том, что постепенно национальный английский театр освободился от иностранного влияния и обрел самостоятельность [Там же, с. 120]. Как следствие, появилась потребность в наиболее рациональном терминологическом закреплении средствами английского языка многообразных самобытных элементов театральной деятельности Великобритании.

Изменилось и соотношение исконных способов пополнения английской театральной терминологии. Лингвистическим фактором изменения является дальнейшее усиление признаков аналитизма в английском языке и окончательное оформление его как языка аналитического [Там же, с. 111]. Экстралингвистический фактор состоит в зарождении в новоанглийском театре новых тенденций его развития.

а) Лингвистической причиной резкого увеличения продуктивности составных театральных терминов в пополнении терминологической системы английского драматического театра, ставшего особенно заметным в XIX-XX вв., служит наметившаяся еще в предшествующий период активизация синтаксического способа пополнения словарного состава общенародного английского языка (59% ЛЕ) вследствие изменения его типологии и превращения в язык аналитический. Внешний стимул распространения синтаксического способа терминопобразования состоит в зрелости английского драматического театра, который к указанному времени накопил богатый собственный опыт, позволяющий проникнуть в суть явлений и обнаружить новые признаки